

ными конкретными моментами уже собственно истории фриульского «отечества». Есть черты, заимствованные у других народов: например, у австрийцев заимствовано употребление в пищу клёцок, обряд бросания с холма зажженных колесиков «лис чидулис». Очень много черт, общих для всей Италии, и, наконец, черты характерные не для всей Италии, но общие для фриулов и венецианской этнографической группы итальянцев: это тип дома, многие семейные обряды.

Таким образом, фриулы, развивавшиеся на протяжении средневековья как одна из многих самостоятельных романских народностей, постепенно в ходе формирования итальянской нации все более ассоциировались с ней, причем связующим звеном служила венецианская этнографическая группа итальянцев. В настоящее время фриулы продолжают существовать как особая народность, тесно ассоциированная с итальянской нацией. Хотя самобытность их культуры и языка в последнее время постепенно убывает, думается, что именно такие малые народы современности остро нуждаются во внимании исследователя и появление книги Н. А. Красновской представляет собой ценный и своевременный вклад в их изучение.

С. А. Арутюнов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

М. К. Кудрявцев. Община и каста в Хиндустане (из жизни индийской деревни). М., 1971, 283 стр.

Предметом научного анализа в монографии М. К. Кудрявцева являются социально-экономические и историко-этнические процессы, происходящие в современной индийской деревне. Это в сущности первое марксистское исследование указанных процессов в данном районе.

Не так давно изучение проблем сельской поземельной общины многими расценивалось как попытка открыть нечто весьма архаичное. По мере крушения колониальной системы империализма и завоевания народами политической независимости обнаружилось, что традиционная крестьянская община продолжает существовать во многих странах и регионах Азии, Африки и Америки, что география и масштабы распространения общины еще полностью не определены. В ряде районов земного шара исследователи заново «открывали» ее. Достаточно вспомнить историю «открытия» русской сельской общины в XIX в. Гакстгаузеном и индийской общины английскими учеными чиновниками и чиновниками-учеными. Недавно стало известно о существовании общинной структуры в районах Атласных гор в центральном Таиланде. Причем во многих районах мира община продолжает существовать не как реликтовая форма, а как органический элемент полиукладной экономики. Ученые и политики убедились, что проблема крестьянской общины является жгучей проблемой современности.

Автор рецензируемой монографии убедительно доказал, что деревенская община в Индии, которая в прошлом веке существовала в национальном масштабе, в XX в. не исчезла, более того, она в разных формах дожила до наших дней и сосуществует с высшими формами современного государственно-монополистического капитализма. М. К. Кудрявцев «открыл», можно сказать, современную индийскую общину, которую у нас считали исчезнувшей. Он показал масштабы ее распространения и ее роль в социально-экономической структуре современной Индии, всем этим способствуя разоблачению легенды о реликтовом характере общины¹.

Из работ М. К. Кудрявцева, С. А. Маретиной и других советских исследователей мы уже знаем о значительном распространении в XX в. общинной системы в Хиндустане (Северная Индия) и Горном Ассаме (Восточная Индия). Дальнейшие исследования, вероятно, приведут к обнаружению «живой» общинной структуры в других частях Индии.

Автор рецензируемой книги — историк и этнограф. И хотя он пишет, что смотрит на индийскую деревню, на общинно-кастовые отношения «глазами этнографа» (стр. 6), тем не менее, и это важно подчеркнуть, он не ограничивает свое исследование проблемами этнографическими или узкоспециальными. Большой его заслугой, как мы думаем, является то, что в его работе удачно сочетаются (но не смешиваются) экономический, социальный и этнографический аспекты жизни индийской общины-деревни в их диалек-

¹ О современной индийской общине много пишут зарубежные, в частности индийские ученые. Однако в советской литературе утвердилось мнение, что индийская община в лучшем случае дожила до начала XIX в. (см. стр. 102 рецензируемой книги). И если касались современной общины, то в порядке упоминания или беглого описания некоторых ее черт (см. работы И. М. Рейсера, Н. И. Семеновой, Л. Б. Алаева). М. К. Кудрявцев впервые в советской литературе дал обстоятельный анализ этой общины, доказав, что она жива и функционирует в довольно широком масштабе. В этом смысле можно сказать, что автор «открыл» современную индийскую общину.

тической взаимосвязи. Здесь уместно вспомнить ленинскую критику работ русских народников за то, что они прежде всего интересовались агрикультурной, бытовой, этнографической стороной жизни русской крестьянской общины, оставляя в тени политико-экономическую сторону (см., например, «Ленинский сборник», т. XXXIII, стр. 28). М. К. Кудрявцев в своем труде проводит четкую мысль: экономическая сторона жизни общины является определяющей (стр. 99). Естественно, что предметом анализа в книге прежде всего являются такие экономические проблемы, как собственность и владение, земельные отношения, дифференциация хозяйства и т. д. (стр. 100 и др.). Автор пытается дать также обобщающее (хотя и не исчерпывающее) определение понятия сельской деревенской общины (стр. 12).

Интересным и существенным, на наш взгляд (но и не бесспорным), является следующий тезис автора: община (деревенская, соседская) существует там и тогда, где и когда налицо один постоянный и непреходящий атрибут ее — коллективное землевладение хотя бы на часть непахотных земельных угодий. По мнению автора, вовсе не обязательно наличие таких «классических» черт, как общинная собственность, уравнительное землепользование, переделы и т. д. Именно их отсутствие способствовало распространению утверждения, что индийская община якобы «исчезла», в то время как в современных условиях община выступает как коллективный владелец непахотных земель и как коллектив наследственных владельцев пахотных земель. Конечно, в какой степени современная индийская община утратила свои классические черты — это вопрос дальнейших исследований. Но тезис о том, что определяющей чертой сельской общины является в настоящее время не общинная собственность, а общинное владение, в определенной степени расширяет наши представления о масштабах распространения общинной системы, в частности в Индии в современных условиях.

Говоря о специфических особенностях индийской общины, автор подчеркивает ее кастовый характер. Поэтому общину в Хиндустане он называет кастовой деревенской общиной (стр. 256, 261, 262). В этой общине взаимодействуют родственные связи, отношения внутри каст, территориальные (соседские) связи, отношения между кастами и т. д. М. К. Кудрявцев успешно, как нам кажется, решает трудную задачу анализа сложного и противоречивого комплекса родственных и соседских отношений в процессе производства материальных благ и в социальной жизни.

Особую теоретическую и практическую ценность имеет раздел книги, посвященный системе «джаджмани» в Хиндустане. Критически используя богатый материал источников, работы западных и индийских авторов, М. К. Кудрявцев, по существу, впервые дает марксистский анализ этого чрезвычайно важного феномена в социально-экономической истории индийской общины².

По определению М. К. Кудрявцева, система джаджмани — это «система традиционных, строго регламентированных, передающихся от поколения к поколению материальных и трудовых взаимоотношений между имущественно и социально неравными кастовыми группами сельского населения» (стр. 105). Это — форма внутриобщинного разделения труда, которая составляет, по мысли автора, экономическую основу сельской общины. Внутриобщинное разделение труда в зависимости от среды (социальной, географической, этнической) выступает в разных формах, одновременно являясь причиной и следствием натуральности и отсталости сельского хозяйства Индии.

Говоря о внутриобщинном разделении труда в Индии, автор подчеркивает, что на нем зиждется кастовая организация, органически связанная с общинной организацией. Автор убедительно доказал, что сращивание кастовой структуры с общинной придает общинно-кастовой системе необычайную прочность и способность к адаптации. М. К. Кудрявцев связывает систему джаджмани в основном с общинным землевладением, которое существует в разных формациях, при разных системах собственности и эксплуатации. Поэтому неудивительно, что эта система имеет длительную историю и чрезвычайно живуча.

Автор отвергает идею В. Х. Вайзера о том, что индийская система джаджмани представляет собою разложившуюся форму древней сельской коммуны. По мнению М. К. Кудрявцева, система джаджмани основана на социальном неравенстве и является его выражением. Поэтому она не могла зародиться в недрах первобытной общины, где господствовали отношения равенства. Джаджмани связана с регулированием отношений между наследственно-профессиональными, имущественно и социально неравными группами сельского населения. А потому джаджмани — явление, чуждое первобытному строю

² Автор книги отмечает, что в советской литературе система джаджмани упоминалась в статье Н. Р. Гусевой «Органы самоуправления в индийской деревне», более подробно — во вводной статье Г. Г. Котовского к сборнику «Касты в Индии» и в книге А. П. Колонтаева «Разложение сельского ремесла и возникновение новых отраслей мелкой промышленности в Индии». На систему балута обратил внимание и И. М. Рейснер в статье о маратхской общине (стр. 105, 107). Подробные описания (на основе полевых исследований) системы джаджмани даны в трудах Вильяма Х. Вайзера (см. W. H. Wiser, *The Hindu Jajmani system*, Lucknow, 1958), Оскара Льюиса (O. Lewis, *Village life in Northern India, Urbana*, 1958) и многих других. Тем не менее необходимо особо подчеркнуть, что в рецензируемой книге речь идет не об упоминании или описании системы джаджмани, а о первом обстоятельном и глубоком структурном анализе названной системы с марксистских позиций.

(стр. 150). Автор считает также, что эта система «никак не уживается ни с рабством, ни с крепостничеством» (стр. 166). Знала ли Индия рабовладельческую формацию? Автор, как и многие советские исследователи, в этом сомневается. Во всяком случае, он категорически утверждает, что для рабов и рабовладельцев «в общине не было места» (стр. 160). М. К. Кудрявцев отвергает также идею о существовании феодализма в Индии, подчеркивая, что и феодализму нет места ни в общине, ни за ее пределами. Нельзя считать, что во взаимоотношениях между джаджманами (обслуживаемыми) и каминами (обслуживающими) имеет место эксплуатация феодального типа, как думают некоторые индологи. Почему? Потому что эксплуататоры и эксплуатируемые были как среди джаджманов, так и среди каминов (стр. 116). Поэтому, пишет М. К. Кудрявцев, нельзя проводить линию классового размежевания между джаджманами и каминами. Вместе с тем автор подчеркивает, что система джаджмани является порождением и следствием общинно-кастовой структуры, которая существует в разных общественных системах и накладывает свою печать на последние. Кастовая община с ее принципом джаджмани мешала развитию феодализма в Индии. Автор также отвергает мысль, что джаджмани является «религиозно-экономической категорией» (Х. Гулл и др.), он ведет борьбу на два фронта: против идеализации системы джаджмани и против ее огульного охаивания, пытаясь с марксистских позиций осмыслить ее историческое значение.

Серьезный теоретический и практический интерес, как нам думается, представляют также те разделы монографии М. К. Кудрявцева, в которых он анализирует социальную структуру и принципы самоуправления деревенской общины в Индии. Автор здесь рассматривает одну из очень важных специфических черт индийской общины — ее экзогамность — черту, типичную для родовой общины, сближающую сельскую общину с родовой и создающую определенные трудности при типологизации общин в Индии. Поскольку члены общины делятся на касты, община представляет собой сложный конгломерат экзогамных кастовых групп, каждая из которых в свою очередь составляет часть эндогамных кастовых объединений за пределами общины. Все это создает сложный клубок противоречий, который часто не учитывается исследователями. М. К. Кудрявцев довольно подробно выясняет природу родственных и соседских отношений в индийской деревне, сущность внутрикастовых и межкастовых отношений и противоречий, структуру общины и системы общин (стр. 214 и др.). В силу экзогамности кастовых групп внутри общины деревенская община выступает не как изолированная микроединица, а как составная часть более разветвленной системы. Создается обширная и прочная сеть взаимосвязей и взаимозависимостей — система общинных организаций. К. Маркс, как известно, называл общину «локализованным микрокосмом», но здесь «локализация» имеет место не на уровне отдельной общины, а на уровне группы или объединения общин (см. стр. 175, 211, 214 и др.).

Одной из важных особенностей индийской общины является, по мнению М. К. Кудрявцева, традиционная упорядоченность ее внутренних связей и отношений, несмотря на чрезвычайную пестроту имущества, социального, этнического и религиозного состава населения. Эта «традиционная упорядоченность» обеспечивается регулярно функционирующими выборными органами: кастовыми и территориальными панчаятами (отметим, что территориальные панчаяты узаконены государственной властью как органы самоуправления для сельских местностей всей страны).

Важным достоинством книги является критика автором воззрений тех, кто, подобно русским народникам, считает кастовую общину Индии готовой базой и ячейкой социализма, а также критика тех, кто отрицает наличие позитивных черт, прогрессивных традиций общинной организации, которые в перспективе могут и должны быть использованы.

Наконец, отметим, что монография М. К. Кудрявцева имеет серьезную источниковедческую и литературную базу. К этому следует добавить, что автор в течение определенного времени сам наблюдал и изучал сельскую общину в Индии. Рецензируемая книга написана серьезным и опытным ученым на высоком научном уровне.

Однако, отмечая серьезные достоинства монографии, мы вместе с тем считаем необходимым высказать некоторые наши замечания, соображения и пожелания.

На наш взгляд, следовало бы предпослать книге хотя бы краткий раздел с критическим обзором историографии и источников, посвященных индийской сельской общине. И хотя автор касается проблем современной индийской общины, тем не менее было бы целесообразно (пусть кратко) показать историческую связь современной индийской общины с ее прошлыми формами. При этом можно было бы полнее оценить итоги исследований советских индологов (Р. Н. Ульяновского, И. М. Рейснера, Л. Б. Алаева, К. З. Ашрафян, К. А. Антоновой, Н. И. Семеновы, Г. Г. Котовского, Л. С. Гамаюнова, и др.). Не хватает элемента историзма и в освещении таких важных проблем, как аграрный строй современной индийской деревни, формы собственности и т. д.

В советской литературе нередко проявляется определенная недооценка всей важности и глубины анализа Марксом природы и судеб азиатской общины. Этот недостаток не полностью преодолен и в рецензируемой работе.

М. К. Кудрявцев считает, что система джаджмани не уживается с добуржуазными классовыми формациями, ибо общинной структуре в Индии и рабство и крепостничество были чужды. Во-первых, автор вступает здесь в противоречие с самим собою. Ведь систему джаджмани он связывает главным образом с общинным землевладением, кото-

рое, как он сам показал, «уживается» со всеми формациями. Во-вторых, проведенный Марксом анализ азиатской общины показывает, что и рабство, и крепостничество в латентной форме присущи структуре этой общины. Отсюда в большой степени проистекает свойство совместимости восточной сельской общины со всеми джуджуазными формами собственности и эксплуатации. К стати, автор не отвечает на вопрос о классовой природе внутриобщинной эксплуатации при системе джаджмани, проявляя известную недооценку (в этом вопросе) работ некоторых советских авторов.

В явлении экзогамности М. К. Кудрявцев видит доказательство социальной природы общины, так как община А связана (в силу экзогамности) с общинами В, С... и. Ну, а в тех странах, где сельская община не экзогамна, она перестает быть социальной единицей? Эта мысль явно противоречит определению понятия сельской общины, данному автором на стр. 12.

Желательно было бы развернуть весьма важный тезис о том, что в Индии второе крупное общественное разделение труда (отделение ремесла от земледелия) произошло внутри общинной деревни в форме образования кастовой системы, в то время как в Европе отделение ремесла от земледелия привело к отделению города от деревни, к развитию товарно-денежных отношений, внутреннего рынка и т. д. В книге этот очень важный сюжет остался неразвернутым. Между тем в Индии, как нам представляется, чем более развито было внутриобщинное разделение труда, тем менее оно развито было за пределами общины или группы общин и во всем индийском обществе. Это обстоятельство, по-видимому, сыграло тормозящую роль в разложении натурального хозяйства, в развитии внутреннего рынка, в процессе (если можно так выразиться) «исторической специализации» формаций в Индии.

Автор, разумеется, признает наличие общих закономерностей в развитии сельской общины всюду, где этот тип общины имеет место. Но при этом специфические черты индийской сельской общины как бы приобретают исключительный характер. Известная абсолютизация специфики проявляется между прочим в характеристике кастовой системы и системы джаджмани. Так, создается впечатление, что кастовость — это феномен только индийского общества. Между тем социальные образования кастового типа встречаются в Древнем Египте, в Тибете, в Японии, в Африке. В Индии же кастовые образования получили классическое развитие и, по-видимому, в большей степени, чем где бы то ни было, пронизали все общество, в том числе и общинную систему. Джаджмани, по нашему мнению, это явление не только специфически индийское, но и в определенной мере международное. Дело в том, что экономической основой системы джаджмани является разделение (специализация) труда, обмен трудом и услугами. Но именно это является типичной чертой любой сельской поземельной общины на том этапе развития, когда происходит отделение ремесла от земледелия, расщепление ранее единого труда на труд специализированных ремесленников, земледельцев и т. д.³ В этом плане система джаджмани представляется общей закономерностью. Действительная специфика заключается, как нам кажется, в том, что разделение труда, обмен трудом и услугами в индийской сельской общине принимают особую форму взаимных обязательств между отдельными неравными кастовыми группами.

На наш взгляд, в явлении джаджмани представлено диалектическое единство черт общего и особенного. Разделение труда (явление общее) в Индии «кокостеневает» в кастах (явление специфическое).

В рецензируемой книге встречаются некоторые неясные и неточные, на наш взгляд, формулировки. Так, на стр. 30 автор утверждает, что формы эксплуатации более всего зависят от форм собственности, а также от характера хозяйства. Что значит «характер хозяйства» и разве этот «характер» не зависит от форм собственности?

Все эти и подобные замечания и соображения могут быть предметом дальнейшего обсуждения и разработки не только индологами, поскольку здесь затрагиваются некоторые общие методологические вопросы изучения общины. Таким образом, монография М. К. Кудрявцева развивает и углубляет наши представления об общих закономерностях развития сельской поземельной общины.

С. Д. Зак, С. И. Тюльпанов

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Bill Vaudrin. *Tanaina tales from Alaska*. Introduction by Joan B. Townsend. Norman, 1969, XXXVI+127 p.

Немного памятников сохранилось от древней культуры атапасков. Исчезли прежние быт и верования, и лишь слабые их отпечатки дошли до наших дней, свидетельствуя о яркости и самобытности первобытной культуры индейцев Севера Америки.

³ Автор совершенно правильно обращает внимание на тот существенный факт, что у большинства высокоразвитых земледельческих народов Индии сравнительно высок (до 40—50%) процент неземледельческого населения в деревне (стр. 258).